

М.А. Адамов

Социокультурные факторы зарождения семинарского образования в России первой половины XVIII в.

В современной России мы наблюдаем процесс активного возрождения духовного образования. И это потребовало восстановления уникального исторического опыта, наработанного в этой области в дореволюционный период. Исследования в этой области позволят восстановить лучшие традиции православного духовного образования и избежать характерных ошибок, свойственных ему.

В качестве объекта исследования в данной статье выбраны духовные семинарии, явившиеся основным звеном в системе дореволюционного духовного образования. Семинарии были средними учебными заведениями, которые готовили кандидатов в священство и учащихся для духовных академий.

Духовные академии готовили будущий высший слой духовенства или преподавателей семинарий, духовные училища – кандидатов к поступлению в семинарии или церковнослужителей (пономарей, дячков, псаломщиков). А вот именно выпускники семинарий составляли абсолютное большинство священнослужителей на приходах и базу кадрового состава духовенства Русской православной церкви.

Чтобы понять процессы, происходившие на всём протяжении существования семинарий в Российской империи, нам необходимо прежде всего знать причины их возникновения. Это поможет лучше понять причины дальнейшего практически постоянного реформирования семинарий.

Открытие духовных школ в России стало следствием модернизационных процессов, проходивших в государстве и обществе. Они выявили недостатки уровня образования основной массы населения. Что касается духовенства, то недостаток образования у него отмечал ещё Стоглавый собор в XVI в. и Поместный собор 1667 г. [1, с. 389], но никаких практических мер для исправления этого положения предпринято не было. Образование духовенства было в основном домашним и заключалось в элементарной грамотности в сочетании с практическими навыками ведения богослужения [1, с. 390].

Фактически до времён Петра I в России отсутствовала система духовного образования, поэтому в петровскую эпоху были сделаны первые попытки открыть специальные учебные заведения для подготовки будущих священнослужителей. В данной статье сделана попытка отразить основные предпосылки появления духовных семинарий. А именно: во второй

половине XVII в. происходит процесс присоединения Левобережной Украины и Киева к России. Выпускники Киевской академии начали занимать епископские кафедры по всей России. Именно они стали проводниками образования по всей стране. Среди них следующие представители епископата времён Петра I: Иоанн Максимович (Чернигов), Дмитрий Туптало (Ростов), Филофей Лещинский (Тобольск) [2, с. 202]. Дело Филофея (Лещинского) продолжил его приемник митрополит Антоний (Стаховский) (1721–1740) – также выпускник Киевской духовной академии [3]. Смоленский митрополит Дорофей Коротков (выпускник Киевской академии) учредил в 1715 г. Славяно-латинскую школу [2, с. 390]. Особенно большой вклад в дело становления духовного образования в России внес выпускник Киевской академии Феофан Прокопович [4, с. 8]. Ещё один известный сподвижник Петра I Стефан Яворский также был выпускником этой академии [5, с. 307]. Именно под его руководством преобразование Московской академии осуществлялось по образцу именно Киевской [6, с. 388].

В России первой четверти XVIII в. продолжался процесс активного распространения старообрядчества. Впервые за всю свою историю Русская церковь столкнулась с противодействующим ей религиозным течением, которое охватило все слои населения и всю территорию страны. К примеру, ересь стригильников охватывала лишь часть страны (Новгород), ересь жидовствующих была отмечена в основном в привилегированных слоях общества. Старообрядчество же распространилось на всей территории государства и охватило все слои населения. В России разгорелись споры о вере, поэтому возникла необходимость в людях, которые могли бы дать квалифицированные ответы на возникающие вопросы. Здесь было необходимо знание не только обрядовой стороны богослужения (это как раз и обеспечивалось домашним образованием), но и возможность обосновать их с богословской точки зрения. И здесь Русская церковь и государство столкнулись с нехваткой образованных кадров.

Например, когда было предложено отправить в главные центры раскола «увещевателей», судья приказа церковных дел Антоний ответил, что «таковых людей по оному делу искусных не обретається», которые бы могли «их раскольнических падений в тонкость познать и с ними разговоров иметь в даль не могут» [6, с. 252]. В 1721 г. предполагалось послать

миссионеров во многие городские центры старообрядчества, в том числе Калугу, Вязники, Ржев, Тверь, Торжок, но «надёжных людей» для этого не оказалось [6, с. 258].

Ещё один фактор вытекает из предыдущего. Государство в этот период занималось активной слежкой за раскольниками. Ведь даже знаменитое указание Духовного регламента о необходимости для священников сообщать о тех прихожанах, которые не были на исповеди и причастии в течение года, было вызвано именно слежкой за раскольниками. Духовный регламент в связи с этим утверждал: «Того ради, если который христианин покажется, что он весьма от святого Причастия удаляется, тем самым являет себе, что не есть в теле Христове, сие есть, не есть сообщник Церкви, но раскольник. И несть лучшего знамения, почему познать раскольника» [7, с. 177].

В самом духовенстве могли оказаться тайные сторонники раскола, как сознательные, так и те, кто просто за отсутствием книг продолжали служить по памяти и употреблять старые, уже запрещённые формы богослужения. И не только служить сам, но и учить этому своих детей. Это могла выявить и исправить духовная школа. Не случайно Духовный регламент предписал открыть в каждой епархии духовную школу. И именно исправление недостатков было указано как причина: «Вельми ко исправлению Церкви полезно есть сие, чтоб всяк епископ имел в доме, или при доме своём школу для детей священнических, или прочих, в надежду священства определённых» [7, с. 151].

В XVI–XVII вв. происходит присоединение к России значительных территорий, население которых не исповедовало православие. Это был ещё один важный фактор, который обусловил необходимость появления духовного образования в России.

Миссионерской деятельностью в петровское время занимался уже упоминавшийся выше выпускник Киевской академии митрополит Филофей Лещинский. В 1712–1717 гг. были крещены народы, живущие по Оби и Енисею. С 1720-х гг. объектом миссионерской деятельности стали якуты и другие народы Восточной Сибири. Руководил ею епископ образованной в 1727 г. Иркутской епархии. Проповедь христианства занимала большое место в деятельности казанского епископа, управлявшего огромной территорией, в которую входили земли Среднего Поволжья и Заповолжья [6, с. 257].

А это требовало, во-первых, перевода церковных текстов на местные языки, и не просто дословного перевода, а адекватного быту, обычаям и менталитету того народа, для которого он был осуществлён. Здесь стоит привести следующий пример. Когда переводили молитву «Отче наш» на язык алеутов, святитель Иннокентий Аляскинский вместо слова «хлеб» в прошении «хлеб наш насущный», употребил слово «рыба», так

как у данного народа хлеб в пищу не употреблялся, а то значение, которое в питании русских имеет хлеб, у них имеет рыба.

Во-вторых, требовалось не только перевести церковные книги, но и объяснить народам, которые до этого совершенно не знали христианства, смысл и содержание церковного вероучения. Для этого домашнего образования было явно недостаточно.

Следующий фактор заключался в том, что в период петровских реформ происходит кардинальная ломка устоявшихся обычаев, норм и традиций. Духовенство во многом стало в оппозицию этому процессу. Чем дальше шёл в своих преобразованиях Пётр I, тем очевидней становилась несовместимость того, что хотел он для России, и того, что хотела церковь [4, с. 76].

Это и была одна из основных причин упразднения патриаршества и создания Священного Синода. В Духовном регламенте по этому поводу было сказано: «Велико и сие, что от Соборного правления не опасатся мятежей и смущения, яковые происходят от единого собственного правителя духовного» [7, с. 142–143].

Домашнее образование могло лишь продолжать копировать прежние установки. Именно поэтому необходимо было на некоторое время изъять из привычной семейной обстановки будущих кандидатов в священство, чтобы привить им зачатки новых представлений. В «Регулах семинарии преосвященного Феофана (Прокоповича)» сказано: «Никому никуда в сторону писем, не объявив их прежде директору, не посылать. Також и кому откуда, хотя от родителей письма присланы будут, не распечатывать и не читать, но не распечатанные письма подавать директору, и когда он распечатав и прочитав отдаст, тогда читать можно» [8, с. 199].

Здесь стоит добавить, что именно образованная часть духовенства стала проводником новых петровских идей. В связи с этим стоит вспомнить тех же самых Феофана Прокоповича и Стефана Яворского.

В петровскую эпоху помимо старообрядчества получили распространение различные религиозные учения, отличные от официального. Например, в Москве в 1710 г. была обнаружена секта «христовщины», одним из главных центров которой был безвотчинный Ивановский монастырь. В той же Москве в 1713 г. возник открытый лекарем Дмитрием Евдокимовичем Тверитиновым так называемый кружок еретиков-иконоборцев. Многие из членов секты имели достаточно высокий уровень образования [6, с. 264]. Соответственно от полемизирующих с такими сектантами требовался адекватный уровень образования. Например, иконоборцам было необходимо объяснить суть церковного вероучения об иконах, которое при кажущейся на первый взгляд простоте охватывает собой всю христологию (вероучение о Христе).

В это время в Россию вместе с последними достижениями науки и техники устремились и новые религиозные и философские учения, поскольку на Западе как раз происходил процесс активных философских исканий. Проникновение новых идей началось ещё до Петра I, **но при нём оно значительно усилилось. Уже** упоминавшийся выше еретик Дмитрий Тверитинов был знаком с протестантской литературой, хотя и постоянно утверждал на следствии, что его система взглядов сложилась самостоятельно [6, с. 265]. Духовенству было необходимо дать адекватный ответ на возникающие в связи с новыми учениями вопросы, а для этого было явно недостаточно домашнего образования. Трудно представить себе, чтобы живущие по всей стране, подчас в полной глуши, отцы семейств (ведь именно они и занимались образованием своих чад) могли на соответствующем уровне разбираться в тонкостях западных философских и религиозных учений. Неслучайно, что Духовный регламент в разделе «О домах училищных» рекомендовал изучать в духовных школах «логику или диалектику; физику, присовокупя краткую метафизику; политику краткую Пуффендорфову» [7, с. 166–167].

Вместе со всем новым в Россию начинает проникать огромное количество трудов на латинском языке. Этот процесс происходил и раньше, но при Петре I он **усилился в связи с запросом на образование** широких общественных слоёв. А латинский язык в то время являлся международным языком европейского учёного сообщества, поэтому большинство научных трудов и учебных пособий было написано на латыни. Соответственно, в то время образованный человек – это прежде всего человек, знающий латинский язык. И в открывавшихся по всей России в течение XVIII в. **духовных школах всё обучение** было построено на латыни. Для того, чтобы не замыкать этот процесс на одном изучении языка, было рекомендовано изучать вместе с этим «историю с географией посредством относящихся к этим наукам переводам» [5, с. 391].

Одной из причин последующего затем сопротивления духовенства определению их детей в открывавшиеся духовные школы был именно страх влияния латыни и прямо ассоциировавшегося с ней католичества. Примером тому может служить закрытие в 1762 г. епископом Иоанникием Павлуцким семинарии в Воронеже. Сам он в отличие от своего учёного предшественника малоросса Кирилла Ляшевца обладал всего лишь домашним образованием.

Необходимость создания духовных школ отмечали даже представители консервативного крыла духовенства. Тот же епископ Иоанникий Павлуцкий закрыл именно латинскую школу, а вместо неё основал две славянско-русские школы в Воронеже и Острожске [9, с. 98].

В связи с этим стоит упомянуть и митрополита Новгородского Иова. Он вначале для открытия своей духовной школы пригласил учёных-малороссов. Но один из них, архимандрит Гавриил Доменецкий, вскоре по прибытии затеял споры о времени пресуществления Святых Даров (превращения хлеба и вина в причастии в тело и кровь Христовы). Это подорвало доверие митрополита к латинской учёности и подтолкнуло его к эллинскому образованию. В связи с этим были приглашены братья Лихуды из Москвы. Школа первоначально имела большой успех, хотя впоследствии под влиянием ряда причин эта затея не удалась [5, с. 389–390].

Духовенство при Петре I стало **частью государственного чиновничьего аппарата**. На священнослужителей, как уже упоминалось выше, были возложены многие полицейские функции, например сообщение о неблагонадёжных элементах государству. А от государственных служащих Петр I **требовал в обязательном порядке** наличия хотя бы элементарного образования. И не случайно, что в Духовном регламенте, закрепившем положение духовенства прежде всего как служителей благу государства, было уделено огромное внимание открытию духовных школ при архиерейских домах.

К этому стоит прибавить и то, что в государстве времён Петра I **катастрофически не хватало образованных людей**. До появления Духовного регламента детей духовенства отправляли в любые учебные заведения (в основном в цифирные школы), для того чтобы дать образование попovichам [10, с. 136–137], и лишь с учреждением этого Регламента дети духовенства стали обучаться в основном в духовных школах.

Ещё один фактор заключался в появлении под влиянием перемен, происходивших в обществе, нового типа верующих людей (к которым принадлежало большинство выпускников многократно упоминавшихся выше выпускников Киевской академии). Данный тип людей не удовлетворялся слепой верой, ему также требовалась и пища для ума. Они отвергали крайности народного обрядового верия, вызывавшие нарекания ещё Поместного собора 1667 г. Это было особо отмечено в Духовном регламенте: «Могут обрестися некия в церемонии непотребныя, или вредныя» [7, с. 146], или «О мощах святых, где какие явятся быть сумнительныя, розыскивать: много бо и о сем наплутано. Например, предлагаются чуждыя некия: Святого первомученика Стефана тело лежит и в Венеции на предградии, в монастыре Бенедиктинском, в церкви святого Георгия, и в Риме в загородной церкви святого Лаврентия; також много гвоздей креста Господня, и много млеке Пресвятыя Богородицы по Италии, и иных сим подобным без числа» [7, с. 147].

Ещё одним фактором было постепенное внедрение в России книгопечатания. Во-первых, этот процесс сам по себе являлся одной из причин возникнове-

ния раскола, так как именно запуск богослужебных книг в типографское тиражирование потребовал уточнения всех разногласий, которые встречались в рукописных книгах [5, с. 280]. А во-вторых, книги и прежде всего богослужебные стали доступны достаточно широким слоям населения, а не только привилегированным, как раньше. Внимательное чтение книг порождало много вопросов, которые был вынужден решать каждый приходской священник. До этого вполне было достаточно небольшого количества образованного духовенства, от остальных священнослужителей было достаточно простого знания служб. Теперь же требовалось и грамотное их объяснение.

В подтверждение данной мысли следует вспомнить, что книгопечатание способствовало распространению протестантизма. Ведь осуществление главного лозунга протестантов «*Sola scriptura*» («только писание») было возможно только при свободном доступе широких слоёв населения к тексту Библии, а именно это и обеспечило распространение книгопечатания.

Итак, появление семинарий в Российской империи было обусловлено целым комплексом следующих факторов:

- политических: расширение территории государства как на запад (с присоединением Малороссии, в которой духовное образование стояло на достаточно высоком уровне), так и на восток (на народы, которые не знали до этого христианства и вообще разговаривали на других принципиально отличных от русского языках);
- религиозных: широкое распространение раскола и ересей;
- технических: изобретение книгопечатания, сделавшего книги доступными для широких слоёв населения;
- социальных: распространение в России западных философских идей, а также необходимость изучения латыни для поддержания соответствующего уровня образования духовенства и изменения его статуса в государстве, которое стало частью государственного аппарата.

Библиографический список

1. Смолич, И. К. История Русской Церкви / И.К. Смолич. – М., 1996.
2. Православная энциклопедия. – М., 2000. Т. XIII.
3. Софронов, В.Ю. Становление духовной школы Сибири / В.Ю. Сафронов // Сибирская Заимка : Электронный журнал. – 2004. – №1 [Электронный ресурс] www.zaimka.ru/01_2004/sofronov_school/
4. Смирнов, В. Феофан Прокопович / В. Смирнов. – М., 1994.
5. Знаменский, П.В. История Русской Церкви / П.В. Знаменский. – М., 1996.
6. Русское православие: вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. – М., 1989.
7. Регламент, или Устав духовных коллегий // Смирнов В. Феофан Прокопович. Приложение. – М., 1994.
8. Регулъ семинарии преосвященного Феофана, архиепископа великолуцкого и новгородского // Смирнов В. Феофан Прокопович. Приложение. – М., 1994.
9. Комолов, Н.А. Развитие духовного образования в Воронежской епархии в конце XVII–XVIII вв. // Вклад Воронежской Духовной Семинарии в развитие образования и культуры Воронежского края и России : матер. конф. – Воронеж, 2006.
10. Фруменкова, Т.Г. Цифирные и архиерейские школы первой трети XVIII века // Вопросы истории. – 2003. – №7.